

Сергей Скуратовский о стихах Елизаветы Долковой

Вещи и явления всегда активны, говорливы в творческом пространстве автора. Но, в отличие от многих подобных практик, автор не прячется за свою поэтику, не замолкает, позволяя вещам говорить вместо него, он вступает в диалог, раскрывается, подставляется. В этом, скорее всего, автор видит свою творческую задачу – связать себя и реальность, запечатлеться в этой связанности, выстрадать ее как определенный смысл существования автора и текста.

Поначалу кажется, что в текстах много нелепицы, будто бы сказанной спросонья, со своей внутренней зыбкой логикой. Думается, что это всего лишь прием, фича, необходимая, чтобы скрыть неумение работать с материалом, проникать в него. Но нет, с четкой периодичностью нелепица, сноговорение прерывается ясным, по-бунински пронзительным высказыванием, чтобы потом снова утечь в заговорное бормотание, к которому прислушиваешься уже внимательнее. И в этом мне тоже видится способ исполнения творческой задачи: автор взламывает обыденность, при этом стараясь остаться на передовой переживания – не убегая в мифотворчество, не сливаясь в травмаговорение, не скатываясь в тошнотную социалочку.

Елизавета ДОЛКОВА

ПЕПЕЛЬНЫЕ МОТЫЛЬКИ

людям – форма цвета хаки
перья – паре голубей
приготовились к атаке
пересвет и
перебей
всё живое
всё живое как бы образует круг
в центре круга – пулевое
вечный воинский недуг
как на небе вьются птицы
как в миру да мира нет
не переставали биться
челубей и
черезсвет мне не видно –
после драки
кто остался со щитом
птицам – полевые маки
людям – горница во мраке
людям – саван цвета хаки
безо всякого «потом»

АГОНИЯ

*...И запылала корова // Вечерняя Москва. –
1966. – 24 декабря. – С. 3.*

Мне говорили: «Будет пища», –
Мне говорили: «Будет кров», –
Когда я пас
на пепелище
сгоревших
заживо
коров.
Взяв под руки, меня тасили –
Я скот прикармливал с руки.
Собаки выли,
Люди выли,
Коровы жрали угольки,
Жевали смачно, как живые,
Хвостами отгоняли мух.
Скелет теленка выел вымя.
Скелетом стада стал пастух.
В усталой сытости мычали
Медноголовые быки.
А я молчал.
Молчало поле
И пепельные мотыльки.

– Радуйся, мати, сыну!
У сына – псиняя голова,
Великанский рост,
Аппетит людоеда.
Он похож на исчадь бредя,
И слова не людские –
Сорочьи, орочьи.

Мама смотрит на сына,
Целует его глаза,
Вот он – деревце-кипарис
И вьющаяся лоза,
Плоть от плоти – луч от солнечного луча.
Облака проплывают мимо его плеча
И доносят слова до земли –
Человеческие:

«Там, где врут
Про мой озверевший вид,
С краем край не срастается,
Всё болит.
Видел мёртвые головы:
Среди них
Ни одной собачьей
Не было».

В ночи подвешены окошки
И пропадают вразнобой.
Прорезались у неба рожки –
За привокзальной гольфьбой
Приглядывают хлад и сумрак:
Опять не всё, как у людей.
На плащаницах площадей
Хозяева бесщётных сумок
И басурманские такси
Не складываются в рисунок
Во тьме кочующей Руси –
Как будто важные детали
Забыли дома, но вдогон
Их шёпотом пересчитали:
Локомотив-вагон-вагон-вагон | цистерна-вагон-вагон...

ПО МОТИВАМ РАБОТ АЛЕКСАНДРА КОШЕЛЕВА

художник вылепил птенца
из глины бледно-серо-ватой
птенец был бледно-серо-ватым
отец был бледно-серо-ватым
на фото был отец отца
таким же бледно-серо-ватым

наследственность не обмануть
закономерны результаты
и в генах бледно-серо-ватых
просвечивает красным суть –
птенец забрал тепло руки
и спрятал под гусиной кожей

когда по небу красный круг
скатился тени перемножив
птенца отнёс родитель в лес
и там оставил у дороги
художник сможет выжить без
птенец сумеет выжить без
друг друга и ненужных многих

покинутое в ночь птенцом
подросшим бледным и крылатым
в гнезде из глины сероватой
пылало красное яйцо